

Москва.
Елоховский
собор, в котором
крестили
А. С. Пушкина.
Фото из альбома
Найденова

«Я знаю: век уж мой измерен»

ЗАМЕТКИ О РОЖДЕНИИ И СМЕРТИ А. С. ПУШКИНА

8 июня 1799 года в метрической книге московской церкви Богоявления Господня, что в Елохове, появилась запись:

«Мая 27. Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скварцова у жильца его Мозора Сергия Львовича Пушкина родился сын Александр крещен июня 8 дня восприемник Граф Артемий Иванович Воронцов кума мать означенного Сергия Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина»¹.

Александр Пушкин родился 26 мая 1799 года (в четверг, день Вознесения), но после захода солнца. Поэтому, согласно церковному обычаю, дата его рождения означена в метрике следующим числом.

Современники мало что знали о рождении поэта, как и о его детстве. Сам Пушкин редко вспоминал о своих детских годах. В этом отчасти сказались его отчужденные отношения с родителями. Главное же, Пушкин — и чем дальше, тем больше — поэтизировал свое второе рождение, духовное. Возводил он его к лицейским годам и лицейским влияниям. Культ дружбы отодвигал на задний план семью. Однако о своих более отдаленных предках, о своем роде в целом Пушкин вспоминал часто, охотно и не без гордости.

Крестной матерью Пушкина стала его родная бабка по отцу — Ольга Васильевна. Муж ее, Лев Александрович Пушкин, попал в немилость после 1762 года за то, что во время переворота сохранил верность Петру III. В автобиографических записках Пушкин рассказывал: «Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постель всю разряженную и в бриллиантах»². Пушкин не ругается за полную достоверность отдельных подробностей; он делает оговорку, что все это известно ему по слухам. Но ведь тут существенно не только и не столько дотошная биографическая реконструкция, сколько влиявшая на Пушкина культурно-бытовая атмосфера, та, пусть отчасти мифоло-

гизированная история, которая предшествовала Пушкину, занимая с детства его воображение.

Восприемником при крещении Пушкина был гр. Артемий Воронцов. Приходился он троюродным братом другой бабке поэта, с материнской стороны, — Марии Алексеевне Пушкиной, мужем которой был Осип Абрамович Ганнибал. «И сей брак был несчастлив, — рассказывал Пушкин. — Ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представив фальшивое свидетельство о смерти первой»³. За несчастную Марию Алексеевну вступился брат ее мужа, другой сын «арапа Петра Великого», Иван Ганнибал. Ей вернули трехлетнюю дочь, будущую мать поэта — Надежду. Второй брак мужа был объявлен недействительным, а сам О. А. Ганнибал отправлен на службу в черноморский флот. Пушкин застал Осипа Ганнибала в живых и видел его в деревне.

Над купелью Пушкина клубился воздух восемнадцатого столетия. В России был век мятежей, самодурства и просвещения — можно сказать, просвещенного самодурства. Таким воспринял недавнее прошлое Пушкин — и всю жизнь XVIII век занимал его. Привлекала Пушкина не только история как процесс, но живые характеры: жестокие, причудливо своеобразные — и вместе с тем сильные, необычайно цельные. То был как бы сказочный варварский эпос у истоков измельчавшей цивилизованной современности.

Место Пушкина в русской культуре — особое, исключительное. Создав литературный язык, он гениально творил на этом языке; он искал темы и мотивы, направлял тенденции, строил фундаментальные ценности русской культуры нового времени. Тем драгоценнее, однако, звенья русской культурной традиции, которым в свою очередь чем-то обязан Пушкин. Гений не прозирает без почвы, даже возвышаясь над ней, даже пробиваясь порой вопреки ей. А потому все, даже невольные пересечения пути поэта с путями России и ее культуры — глубоко символичны, многозначительны и заслуживают пристального внимания. Тем более когда речь идет о рождении поэта. Новорожденный еще не может говорить. Но над ним в полный голос говорит эпоха, ее люди и ее камни.

Где родился Пушкин? Современники — в силу названных выше причин — были мало осведомлены об этом. В 1822 году (Пушкин в это время находился в Кишиневе, но слава его

жиде воею путешествовала по России) Николай Греч в редакторском предисловии к публикации пушкинских стихов указывал на Петербург как на место рождения поэта. В 50-е годы прошлого столетия «первый пушкинист» П. В. Анненков уже твердо знал, что Пушкин родился в Москве, но помещал дом Пушкиных «на Молчановке»⁴ (близ Арбата). Однако это не так. Из опубликованной позднее записки о крещении Пушкина следовало, что родился он в Немецкой слободе. То был один из лучших районов тогдашней Москвы. Дом, в котором родился Пушкин, не сохранился. До самого последнего времени исследователи полагали, что находился он на месте нынешнего дома № 10 по улице Баумана (бывшая Немецкая). Теперь, однако, называют и другой адрес, неподалеку: по этим данным, дом Скворцова стоял на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка⁵. Хозяин дома Иван Скворцов был, между прочим, сослуживцем Сергея Львовича Пушкина по Московскому комисариату.

Близко расположена и Богоявленская церковь, в которой был крещен Пушкин. Современный адрес ее: площадь Баумана (бывшая Елоховская), дом № 15. Сельцо Елохов было впервые упомянуто в духовной грамоте великого князя Дмитрия Донского. Позднее оно стало называться село Елохово. Богоявленская церковь стояла тут уже в XVII столетии. В 1731—1770 годах церковь Богоявления в Елохове была полностью отстроена заново. Строительство было, возможно, задержано пожаром: известно, что май 1748 года был месяцем пожаров в Москве и 23 мая горела вся Немецкая слобода; пострадала и церковь в Елохове⁶. Именно в этом храме постройки XVIII века крестили Пушкина.

После пожара 1812 года Москве пришлось отстраиваться вновь. В 30-е годы настал черед Елоховской Богоявленской церкви. Здание было разобрано и в 1837—1845 годах возведено новое — в стиле позднего классицизма или так называемого ампира. Строил храм архитектор Е. Д. Тюрин. От постройки XVIII столетия сохранились нижний ярус колокольни и трапезная в классическом стиле с приделами, в одном из которых и крестили Пушкина⁷. Ныне это Богоявленский патриарший собор.

В Москве стало традицией почитание пушкинских мест. В начале нашего века в старом доме на Елоховской площади была открыта бесплатная городская библиотека-читальня имени Пушкина. В 1914 году перед ней на площади был образован Пушкинский сквер. Неподалеку находится московская школа № 353, отмеченная мемориальной доской и носящая имя Пушкина.

Другое время, другие камни. Следует мысленно перенестись через все тридцать семь лет пушкинской жизни из 1799 в 1837 год, из Москвы в Петербург. Придворная церковь Спаса Нерукотворного размещалась на Конюшенной площади (в настоящее время дом № 1). Здесь отпевали Пушкина.

Церковь составляла часть Конюшенного двора, построенного в XVIII веке. В начале XIX столетия по проекту В. П. Стасова и под его руководством началась перестройка всего здания Конюшенного ведомства вместе с церковью. Храм расписывали лучшие художники

страны. По проекту самого Стасова были выполнены из резного позолоченного дерева алтарь и иконостас. Фасад церкви выглядел как лоджия с четырьмя колоннами. В центре здания появились отделанные под дуб ворота. Площадь и проезд в ворота были уложены торцом. Вдоль всего здания протянулся тротуар из плит с черными чугунными тумбами на нем. Облик этот здание Конюшенного ведомства и Конюшенной церкви большей частью сохраняет и поныне. Современники отмечали: «Труды художников привлекают всеобщую дань похвалы»⁸. Работы были завершены к 1823 году.

Пуля Дантеса поразила Пушкина в пятом часу пополудни 27 января 1837 года. Скончался поэт 29 января в 14 часов 45 минут.

Человек рождается на свет существом бессознательным; смерть, однако, отражает ответственный жизненный путь личности. Смерть же поэта есть, по выражению Осипа Мандельштама, «последний творческий акт». Гибель Пушкина была, по его же словам, примером «русской соборной кончины».

В свое время В. В. Вересаев, как бы в похвалу Пушкину, говорил, что умирал Пушкин не как великий поэт, а как великий человек. В. С. Непомнящий, отвергая само это методологическое разделение человека и поэта, возражал: «Слова Вересаева... неверны, потому что в них обойдено русское понимание слова «поэт». Пушкин умирал как великий поэт»⁹.

Последний год жизни Пушкина — весь в контрастных светотенях. Семейная напряженность, «адские козни»¹⁰ Геккерна, влиятельные литературные и не только литературные противники, дышащие с конца 20-х годов читательское охлаждение к пушкинскому творчеству. Во то же время — творческий взлет: величавые стихи «каменноостровского цикла», «Я памятник себе воздвиг...», стихи на 19 октября 1836 года. И последние шедевры пушкинской публицистики. И победный перелом в издании пошатнувшегося было «Современника». И «Капитанская дочка» — с триумфальной публикацией ее в том же «Современнике»...

Соре с Дантесом предшествовали три несостоявшихся поединка в начале 1836 года. Пушкин ощущал сгущавшееся вокруг него напряжение — и, предчувствуя грозу, сам бросал судьбе вызов. Гр. Владимир Соллогуб, участник одной из этих дуэльных историй, вспоминал позднее о своем примирении с Пушкиным: «Неужели вы думаете, что мне весело стреляться, говорил П. Да что делать? J'al la malheur d'être un homme public et vous savez que c'est pire que d'être une femme publique»¹¹. — Быть может, эти слова Пушкина, произнесенные им как бы между прочим, в легкомысленной светской манере, таят в себе ключ ко всей истории гибели поэта, к его поведению в этот последний год.

Большинство версий гибели Пушкина представляют поэта жертвой: придворного ли заговора, светских ли интриг, семейной ли трагедии, того ли, другого и третьего, вместе взятых. Общеизвестны и версии вульгарные: например, о кольчуге Дантеса, — и на том же уровне соблазнительные домыслы о семейном скандале. Так или иначе, Пушкин представ-

(Продолжение на стр. 100)

«Я знаю: век уж мой измерен»

(Окончание. Начало на стр. 39)

ляется лишь пассивным объектом приложения каких-либо внешних сил. Как реакция на эту точку зрения выработалась другая: Пушкин будто бы сам сознательно искал смерти. В этом случае либо гибель его была родом самоубийства, либо гибелью своей Пушкин завершал то «художественное произведение», которое он творил из своей собственной биографии. Последнее внешне соответствует представлению о гибели поэта как о последнем творческом акте. Но взгляд этот узок: он низводит творческий акт с высоты духовного подвига на уровень чисто эстетического жеста в романтическом стиле... Был ли Пушкин жертвой сильных мира сего, искал ли сам смерти — обе эти точки зрения роднит уверенность в пассивности пушкинской позиции в последний год его жизни. Однако это вряд ли соответствует действительности.

Были в самом деле и «адские козни», и вражда влиятельных лиц (например, министра иностранных дел гр. К. В. Нессельроде или министра народного просвещения, бывшего арзамасца С. С. Уварова), и недоверие монарха. Впрочем, прежде чем развивать эф-

«Он вырвал инициативу из рук своих гонителей и повел игру по собственному плану»¹³.

Что это была за «игра»? Пушкин, разумеется, защищал собственную честь, честь мужа и дворянина. Пушкин защищал честь своей жены — да так самоотверженно, что не боялся порой показаться смешным в глазах собственных друзей, лишь бы сохранить в тайне обстоятельства, которые прояснили бы его поведение, но способны были бы хоть в малейшей мере бросить тень на Наталью Николаевну. В последние месяцы друзья поэта то и дело недоумевали, приписывая резкое его поведение лишь «африканской» ревности — но после гибели Пушкина, в свете вновь открывшихся фактов, меняли свое к нему отношение. В январе Вяземский объявлял, что «...закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных»¹⁴. А 16 февраля 1837 года он же, прозревший, пишет к Э. К. Музиной-Пушкиной о погибшем друге, что «...во всем его поведении, было одно благородство, великодушие, деликатность»¹⁵. Поступки Пушкина при этом вовсе не сводились к частным мотивам.

*Первая половина ночи беспокойна;
поспала лучше Новых угрожаю-
щих припадков Натя; ко такж
же нитв, и еще и битв не мннств
облнчсннн.*

фектную тему «поэт и царь», стояло бы основательно разобраться: по каким именно линиям проходил конфликт между ними и каковы конкретно были социально-политические взгляды самого Пушкина. Между тем вопрос этот исследован далеко не достаточно, а высказывающиеся оценки — нередко взаимоисключающие... Во всяком случае по мере того, как выработывается в пушкинистике все более трезвый взгляд на «заговор» против Пушкина¹² — все более выступает на передний план активная, ответственная роль самого Пушкина в преддверных событиях.

Однако не «мнения света» были для него определяющими. Графиня Долли Фикельмон, женщина умная и наблюдательная, записала в дневнике: «Большой свет видел все и мог считать, что само поведение Дантеса было верным доказательством невинности госпожи Пушкиной, но десяток других петербургских кругов, гораздо более значительных в его глазах, потому что там были его друзья, его сотрудники и, наконец, его читатели, считали ее виновной и бросали в нее камень»¹⁶. Его читатели! Фикельмон обнаруживает тут психологическую чуткость, редкое понимание

Пушкина именно как писателя. Через посредство своего дара Пушкин сделался «общественным человеком»; его судьба безразлична была живой читающей России — и он не мог позволить себе остаться смешным или жалким в памяти этой России. Он защищал свою честь еще и в этом широком и благородном смысле — на что и намекал Соллогубу. Он защищал честь поэзии.

И, хотя Пушкин сознательно рисковал жизнью, смерти он не искал. Напротив, он намерен был застрелить Дантеса; он нашел в себе силы и решимость сделать ответный выстрел, будучи уже смертельно ранен; и он крикнул: «Браво!» — когда Дантес упал. И сн же нашел в себе великодушие простить: «Мир, мир», — когда все было кончено.

...Толпа шла и шла к дому Пушкина на Мойке. Тысячи или даже десятки тысяч людей пришли проститься с поэтом.

Отпевание Пушкина состоялось 1 февраля 1837 года. Первоначально его назначили в церкви Адмиралтейства, где тогда временно располагался Исаакиевский собор. Нынешнее здание Исаакиевского собора тогда еще достраивалось. Однако по распоряжению властей отпевание было перенесено в церковь Конюшенного ведомства.

Как причину такого решения называют обычно боязнь массовых демонстраций, изъявлений поклонения народному поэту. Действительно, подобные опасения у властей имелись: гибель поэта вылилась во всенародное горе. Однако была и другая причина той осторожности и даже таинственности, с какими совершались посмертные обряды над телом Пушкина.

Общество преисполнено было не только

тествовали современники. Сын кн. П. А. Вяземского — Павел Вяземский позднее уверял даже, что не мог бы поручиться «...по соображению тогдашних обстоятельств, что более равнодушное отношение полиции к числу лиц, могущих явиться на вынос тела, не повлекло бы за собою дикой персидской демонстрации. Впоследствии мы нередко встречали людей, скорбевших и тосковавших, что не дали, для чести русского имени, разыграться ненависти к надменным иноземцам»¹⁷. Более сдержанно вспоминал о том же Н. М. Смирнов: власти боялись «...какого-нибудь народного изъявления ненависти к Геккерну и Дантесу, жившим на Невском, в доме к-ни Вяземской (ныне Завадовского), мимо которого церемония должна была бы проходить...»¹⁸. Оба мемуариста были относительно консервативны и не были склонны к чрезмерной критике правительства; но вот что в те же дни писал либерал Александр Тургенев в Париж к своему брату, политическому эмигранту Николаю Тургеневу: «Публика ожесточена против Геккерна, и опасаются, что выбьют у него окна»¹⁹. Прусский посол Август Либман докладывал своему правительству: «Национальное самолюбие возбуждено тем сильнее, что враг, переживший поэта, — иноземного происхождения. Громко кричат о том, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человека, с которым исчезла одна из самых светлых национальных слав»²⁰. Александра Дурново (племянница декабриста кн. С. Г. Волконского) вспоминала возгласы на похоронах Пушкина: «Где этот иностранец, которого мы готовы растерзать?»²¹

Какими бы, однако, соображениями ни руководствовалось правительство, полицейские

Наталія Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исакиевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

чувством утраты, но и жаждой возмездия. Нидерландский посланник барон Геккерн и его приемный сын Дантес вызвали общую ненависть, а поскольку оба они были иностранцами, к этому чувству примешивался еще и оскорбленный патриотизм. Ненависть затем всё острее сменялась презрением, которое окружало двух злых гениев Пушкина до тех пор, пока оба они с позором не были выдворены за пределы Российской империи. Это лишний раз показывает, что в своей борьбе Пушкин посмертно оказался победителем.

О враждебных Геккерну настроениях и об угрозе беспорядков на этой почве свиде-

меры в связи с похоронами Пушкина были восприняты его друзьями как оскорбление. Несомненно также, что влиятельные противники Пушкина постарались придать церемонии оттенок по возможности унижительный. Особенно усердствовал, дабы пресечь посмертную вспышку пушкинской славы, Уваров — личный враг поэта, адресат его сатиры «На выздоровление Лукулла».

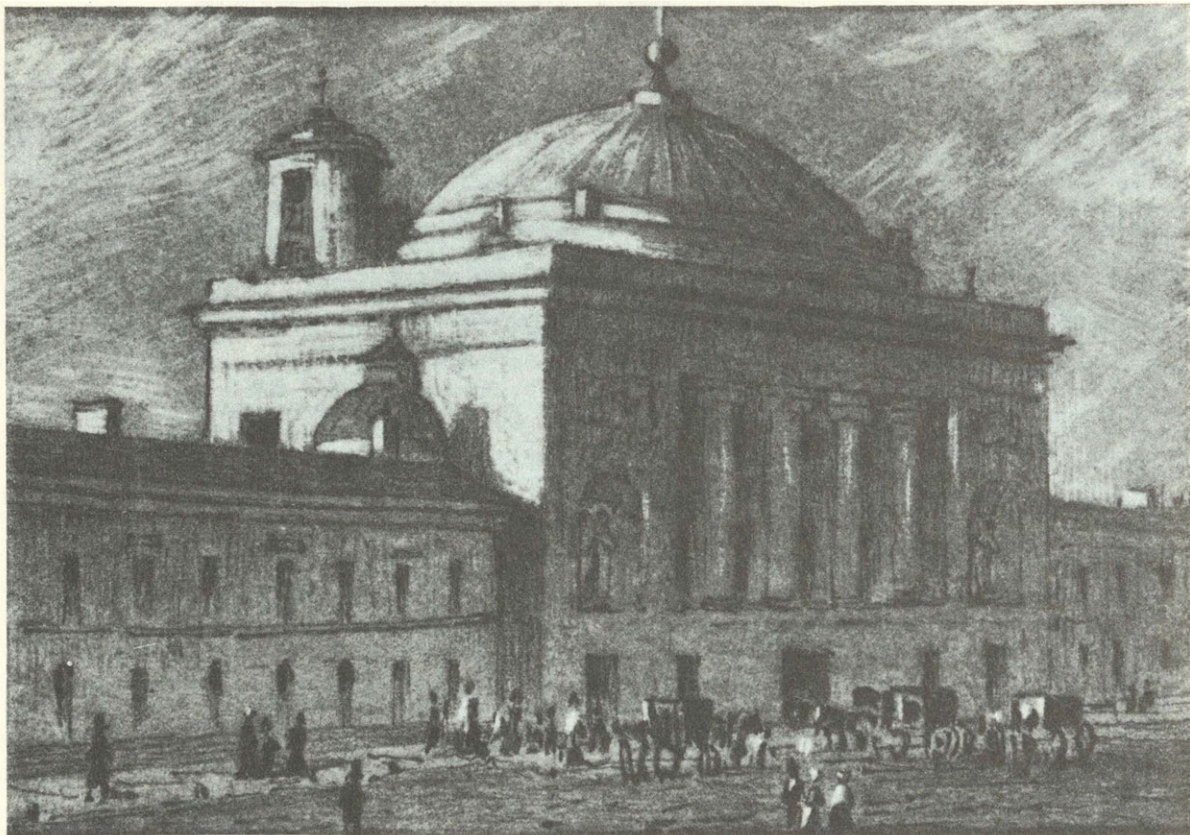
Как возмущался в известном письме к Бенкендорфу Василий Жуковский: «...Назначенную для отпевания церковь переменяли, тело перенесли в нее ночью, с какой-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без

проводников; и в минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, нас оцепили; и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви. Какое намерение могли в нас предполагать? Чего могли от нас бояться?»²² Те же интонации — в письме Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу: «Без преувеличения можно сказать, что у гроба собрались в большом количестве не друзья, а жандармы. Не говорю о солдатских пикетах, расставленных по улице, но против кого была эта военная сила, наполнившая собою дом покойника в те минуты, когда человек двенадцать друзей

офицеров присутствовал при выносе. По соседним дворам были расставлены пикеты: все выражало предвиденье, что в мирной среде друзей покойного может произойти смута»²⁵.

Вынос тела и отпевание Пушкина в Конюшенной церкви конспективно и вместе с тем ярко представлены в дневнике Александра Тургенева.

«31 января. Воскресенье. <...> В 12, то есть в полночь, явились жандармы, полиция, шпионы — всего 10 штук, а нас едва ли столько было! Публику уже не впускали. В 1-м часу мы вывезли гроб в церковь Конюшенную, пропели заупокой, и я возвратился тихо домой.

Конюшенная церковь в Петербурге, в которой отпевали А. С. Пушкина. Акварель

его и ближайших знакомых собрались туда, чтобы воздать ему последний долг? Против кого эти переодетые, но всеми узнаваемые шпионы?»²³

Павел Вяземский вспоминал: «Вынос тела был совершен ночью в присутствии родных Н. Н. Пушкиной, графа Г. А. Строганова²⁴ и его жены, Жуковского, Тургенева, графа Вельгорского, Аркадия О. Россети, офицера Генерального штаба Скалона и семейства Карамзиной и кн. Вяземского. <...> На просьбы А. Н. Муравьева и старой приятельницы покойника графини Бобринской, жены графа Павла Бобринского, переданные мною графу Строганову, мне поручено было сообщить им, что никаких исключений не допускается. Начальник штаба корпуса жандармов Дубельт в сопровождении около двадцати штаб- и обер-

1 февраля. <...> В 11 часов нашел я уже в церкви обедню, в 10¹/₂ начавшуюся. Стечение народа, коего не впускали в церковь, по Мойке и на площади. Послы со свитами и женами. <...> Блудов и Уваров: смерть — примиритель. Крылов. Князь Шаховской. Мое чувство при пении. Мы снесли гроб в подвал. Тесновато»²⁶.

Были, однако, и несколько другие «чувства при пении». Смерть — тайна, и высокая атмосфера заупокойной службы таинственно соседствовала с насмешкой, если не кощунством. Присутствовавшая на отпевании А. М. Каратыгина (в девичестве Колосова, та самая актриса, которой юный Пушкин адресовал обидную эпиграмму, а по возвращении из ссылки помирился с ней) не зря вспомнила французскую поговорку: «Печальное иногда

спотыкается о смешное». Во время службы рядом с ней заливалась слезами Елизавета Михайловна Хитрово (дочь Кутузова, мать Долли Фикельмон). Вдруг она тронула за локоть одного из стоявших у гроба «официантов»: «— Что ж ты, милый, не плачешь? Разве тебе не жаль твоего барина?»

Официант обернулся и отвечал невозмутимо:

— Никак нет-с. Мы, значит, от гробовщика, по наряду»²⁷.

Тут же с женщинами начал перешептываться Сергей Соболевский. «— И можно ли требовать слез от наемника? — продолжал он, обращаясь к Елизавете Михайловне.— Да и вы сами, быть может, умерите ваши сетования, если я вам напомню, что покойный отзывается об вас не совсем благосклонно...

— Что же такое? — спросила Елизавета Михайловна.

— Но вы не рассердитесь? Оно, конечно, здесь и не место и не время поминать лихом нашего Пушкина, однако зачем же скрывать. Как-то под веселый час Александр Сергеевич написал такого рода стишки...» И Соболевский тут же исполнил обидные для Елизаветы Михайловны, притом полупристойные, шутливые стихи. Стихи эти, кстати, были сочинены не Пушкиным, но лишь приписывались ему... «При всей своей неалобивости и любви к Пушкину, она, видимо, рассердилась и во все продолжение церковной службы была угрюма и молчалива». Раздосадованная неуместной выходкой Соболевского, Каратыгина, дождавшись конца службы, резко выговорила ему. «Совершенно с вами согласен, — отвечал он, но мне надоели стенания и причитывания Елизаветы Михайловны: вы видели, что после стихов она их прекратила!»²⁸

Пушкинскому Салеру было «не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигери». Соболевский вел себя как шут; но кто знает, как отнесся бы сам Пушкин к казарменным шуткам приятеля...

Отслужили обедню и панихиду. На следующий день, 2 февраля, был назначен военный парад. Войска расположились так, что подступы к Конюшенной церкви были закрыты. Конюшенная улица занята была гвардейскими обозами. Вечером снова служили панихиду по усопшему Пушкину. Александр Тургенев писал на память: «Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку»²⁹. Через сутки, в ночь, Тургеневу предстояло отвезти Пушкина к месту его последнего упокоения — в Святогорский монастырь³⁰.

А Конюшенная церковь осталась памятником всенародного прощания с «солнцем нашей поэзии». В 1887 году, в 50-летие со дня смерти, с утра по инициативе сына поэта А. А. Пушкина шли заупокойные службы, а в час кончины была отслужена особая панихида. Среди публики присутствовал писатель И. А. Гончаров. В 1899 году, в 100-летнюю годовщину со дня рождения, здесь снова служили панихиду по Пушкину. В 1944—1951 годах здание Конюшенной церкви было реставрировано. Обновленные камни старого Петербурга по-прежнему хранят верность памяти Пушкина.

А. Сопровский, журналист

¹ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.— Т. 1.— М., 1951.— С. 3. Факсимиле см. в кн.: Ашукин И. Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина.— М., 1949.— С. 6.

² Пушкин А. С. Поля. собр. соч.: В 10 т.— 4-е изд.— Л., 1978.— Т. VII.— С. 56—57.

³ Там же.— С. 59.

⁴ Анненков П. В. Материалы к биографии А. С. Пушкина.— М., 1984.— С. 6.

⁵ См.: Романюк С. Где родился Пушкин? // Моск. правда.— 1980.— 14 сент.

⁶ См.: Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы.— Т. 1.: 1147—1762.— М., 1950.— С. 292.

⁷ См.: Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья.— М., 1979.— С. 20.

⁸ См.: Зажурило В. К., Кузьмина Л. И., Назарова Г. И. Пушкинские места Ленинграда.— Л., 1974.— С. 213.

⁹ Непомнящий В. Поэзия и судьба.— М., 1983.— С. 129.

¹⁰ Определение кн. П. А. Вяземского.— См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 2.— М., 1985.— С. 197. В дальнейшем ссылки на издание даются таким образом: ПвВС, с указанием тома и страницы.

¹¹ «Я имею несчастье быть общественным человеком, а вы знаете, что это хуже, чем быть публичной женщиной» (фр.) — ПвВС.— Т. 2.— С. 351, сноска.

¹² «Царь не вел тайных переговоров с Дантесом и не приказывал ему жениться, чтобы «столкнуть» поэта и кавалергарда. Бенкендорф не послал жандармов в другую сторону... Случилось злодеяние банальное, привычное: было проявлено традиционное для российского самодержавия неуважение к таланту. Жизнь гения пренебрегли». Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли.— Л., 1984.— С. 185.

¹³ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя.— Л., 1981.— С. 246.

¹⁴ Слова Вяземского в передаче Софьи Карамзиной (пер. с фр.). Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 гг.— М.: Л., 1960.— С. 165.

¹⁵ Пер. с фр. Цит. по: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году.— С. 76.

¹⁶ Пер. с фр. ПвВС.— Т. 2.— С. 154.

¹⁷ ПвВС.— Т. 2.— С. 199.

¹⁸ Там же.— С. 279. Тургенев ошибочно предполагал, что отвечать Пушкина собирались в Александровской лавре; в этом случае процессия шла бы по Невскому проспекту.

¹⁹ Цит. по: Вересаев В. Пушкин в жизни: Систематический свод свидетельств современников.— М., 1984.— С. 616.

²⁰ Там же.— С. 623—624.— Здесь же названо самое большое число пришедших проститься с Пушкиным на Мойку: 50 000. Либман был, в отличие от большинства иностранных дипломатов, недоброжелателем Пушкина.

²¹ Цит. по: Гроссман Л. П. Пушкин.— М., 1960.— С. 499.

²² ПвВС.— Т. 2.— С. 420.

²³ Вересаев В. Пушкин в жизни.— М., 1984.— С. 617.

²⁴ Гр. Григорий Строганов склонился к «партии» противников Пушкина еще до поединка. Это к нему обратился за советом Геккерн, получив оскорбительное письмо от Пушкина 26 января. Мнение Строганова было: необходимо драться. Сын его, Сергей Строганов, был в то время главой Московского цензурного комитета. Это ему было адресовано предписание Уварова соблюдать в статьях о кончине Пушкина «надлежащую умеренность и тон приличия» (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение.— Л., 1976.— С. 399).

²⁵ ПвВС.— Т. 2.— С. 198.

²⁶ Там же.— Т. 2.— С. 216.

²⁷ Там же.— Т. 1.— С. 207.

²⁸ Там же.— Т. 1.— С. 207—208.

²⁹ Там же.— Т. 2.— С. 217.

³⁰ Секунданту Пушкина Константину Данзасу как подследственному по делу о дуэли Николай I этой чести не предоставлял.